

Елена КАРАСЕВА

Из Женевы пришел большой желтый конверт. В нем записки — милые слова о "незабываемых днях, проведенных в Москве", и много фотографий. Всплывают подробности нашей встречи и фрагменты разговоров, которые мы вели...

Самолет был из Швейцарии, и пассажиры вполне соответствовали рейсу: ухоженные, безупречно "упакованные". Отчаявшись вычислить среди них встречаемых мной гостей, я повыше подняла табличку с их именами. В это время взгляд привлекла пара, резко отличавшаяся от "чистой публики". В багажной тележке у них вместо солидных, твердых чемоданов громоздилась гора немислимых узелков и баулов. Одеты они были как бы в пику европейским стандартам, но при этом, однако, с некой вневременной элегантностью. На нем — шаровары, заправленные в высокие сапоги, цветастый платочек вокруг шеи. У нее — яркая шаль, крест-накрест повязанная поверх широкого плеча "допотопного" пальто. Лица у обоих не по сезону смуглые, глаза лучистые... "Цыгане", — мелькнуло в голове. А они уже протягивали мне руки: Тина... Мишель Перре-Жантий.

Они тогда привезли в Москву на Международный праздник кукольных театров, организованный Театром Образцова и Росинтерфестом, свой спектакль "Человек-Цирк" — о похождениях универсального циркового артиста, которому приходится браться за все понемногу: кувыркаться под куполом, балансировать над бездной, играть с огнем, укрощать тигра. Он очень старается, но, увы, не всегда выходит победителем: то в бездну сорвется с каната, то сам окажется укрощенным свирепым зверем... Миниатюрное и законченное, по-философски мудрое и по-детски простое представление, где каждый номер напоминал нам какую-то из наших жизненных ситуаций, а все вместе — нашу жизнь, в которой так часто

приходится, разводя руками, восклицать: "Ну и цирк!". Максимум вдохновенного искусства при минимуме технических средств (все снаряжение уместилось в той тележке в Шереметьеве!). При этом множество блестящих постановочных находок. А главное — какой-то особый аромат был у этого вроде бы нехитрого спектакля, у этих двух не прятывшихся за ширмочкой кукольников. И

Тина и Мишель Перре-Жантий

зрители интуитивно поняли: перед ними не просто профессиональные артисты, а необычные, не похожие ни на кого люди...

Больше всего на свете мы с Тиной любим странствия. Кукольный театр мы выбрали для себя как "вид транспорта", позволяющий путешествовать постоянно: в душе, в воображении... Нас не волнует, удастся ли достичь конечного пункта. Куда важнее другое — ощущение, что ты

Поиски волшебной палочки

Культура. — 1996 — 1 июня. — С. 14-15

в пути, состояние, которое мы называем "поиском волшебной палочки", — говорил мне Мишель.

Но прежде чем остановить свой выбор на куклах, они совершили вполне реальное путешествие в Индию и Непал... Было начало 70-х годов. В то время на Восток устремились тысячи молодых европейцев, ищущих там "вольницы" и спасения от западной цивилиза-

— Там мы познакомились с редким человеком, мастером Панналом; и тот сделал для нас исключение — ввел в узкий круг своих воспитанников. Он учил нас не только своему искусству, но и вековой мудрости, медитации, умению созерцать мир. "Работайте сначала сердцем, а потом руками, относитесь к куклам, как к уникальным живым существам, и тогда они будут жить на сцене", — повторял он. Поэтому мы никогда не делаем наших кукол в двух экземплярах, не отдаем в музеи или на выставки.

Свою семейную мини-труппу они назвали именем любимого учителя "Панналал палетс" — "Куклы Панналала" и в своей первой самостоятельной постановке постарались применить все его уроки. Когда готовый спектакль привезли из Индии к себе в Женеву, показали в одном из театров, публика немало изумилась. И пришла в восторг. "Это настоящее волшебство — на глазах оживает древний индийский эпос!", "Виртуозная техника куколоводства, совершенно не известная в Европе!", "Самые оригинальные кукольники, каких приходилось видеть за по-

следнее время!" — писали о них швейцарские газеты.

Так, почти незаметно для себя, Тина и Мишель Перре-Жантий стали артистами. Ездили со своими марионетками по разным странам, выступали на международных фестивалях, получали премии, создавали новые спектакли для взрослых и для детей, осваивали различные формы кукольного театра... Думаете, угомонились, забыли о юношеских утопиях? Нисколько. Рядом вчерашние приятели по движению хиппи действительно оступались, становились солидными, уважаемыми гражданами, поглощенными заботами о карьере и недвижимости. А эти двое продолжали жить, как в свои двадцать лет: без постоянной крыши над головой, без профсоюза, счета в банке, страховок и прочих атрибутов социальной стабильности, которыми сегодня так дорожит и гордится Европа. И жили-то не где-нибудь, а в Швейцарии, где эта самая стабильность стала чуть ли не религией. Возможно ли подобное? А если да, то как?

— Конечно, статус бродячих артистов, постоянно и вполне легально проживающих в Же-

неве, — это как бы парадокс. И с этим сначала никак не могли смириться местные службы порядка. Полицейские нас постоянно задерживали и таскали в участок "разбираться". Разобравшись, отпускали... А потом привыкли, смирились. Убедились, что мы платим налоги, не загрязняем окружающую среду. И оставили нас в покое.

— Но как вы сами ухитряетесь так держаться и не сдаваться, несмотря на наступление со всех сторон так называемого общества потребления?

— Для этого нам не требуется никаких усилий. Когда имеешь внутреннюю потребность жить налегке; все устраивается само собой. С самого начала мы завели себе автофургончик. Он возил нас в турне по всей Европе — даже до Турции добрался, в поездках заменял гостиницу, а между поездками — дом. Мы любим наш фургончик, как члена семьи. Бережем его и подлечиваем. В Москву тоже собирались ехать на нем. Но испугались рассказов о проволочках на въезде в Россию и впервые за много-много лет погрузились со всем своим скарбом в самолет...

Когда появились дети, в грузовичке стало тесновато. И

Сцена из спектакля "Человек-Цирк"

В Женевском предместье...

тогда было решено осуществить давнюю мечту — приобрести деревянную кибулку, в каких раньше путешествовали цирковые артисты. Установили ее в предместье Женевы на участке, принадлежавшем приятелям. Подвели коммуникации, оборудовали все внутри — люкс! А потом стали подыскивать другие такие кибулки — охотились за ними, как коллекционеры антиквариата. В итоге собралось на лужайке четыре таких домика на колесах — целая квартира! Так они жили до недавнего времени, пока приятели не оказались вынуждены продать свой участок. Пришлось срочно искать другое пристанище. Оно неожиданно было найдено на территории, которой владеет местное духовенство. Священник, хорошо знающий семью Перре-Жантий и питающий к ним особое расположение, разрешил им — причем безвозмездно — расположиться на пустовавшей церковной земле. Они перебазировали туда свои повозки, заново наладили быт и зажили, как прежде.

— Место живописное, кругом горы, тишина... Каждый вечер, когда мы перед сном по обыкновению смотрим на звезды, мы благословляем небо за этот подарок.

— А если снова попросят съехать?

— Мы всегда готовы отправиться в путь, — уверяет Мишель. — Когда вы привязаны к ценному имуществу, вам кажется, что, лишившись его, и все рухнет. У нас такого имущества нет, мы все делаем "из ничего". Никогда не покупали мебель.

— Или взять, например, одежду. — добавляет Тина. — Все просто помешались на ее обновлении. Но старые наряды порой так хороши! Я извлекаю из маминого сундука такие красивые юбки... Чтобы ехать в холодную Москву, я оттуда же достала вот это пальто. Сегодня люди часто жалуются, что им не на что купить необходимое. Но большой вопрос, что считать необходимым...

— И все-таки материальные проблемы не могут не занимать ваши мысли. Вы ставите спектакли, "прокатываете" их

Разноцветные кибулки швейцарцев

в Швейцарии, за границей. На это нужны средства.

— Да, но не такие большие, как это часто пытаются доказать. Женевский кантон и мэрия города действительно уже более 10 лет субсидируют наши постановки. Но мы никогда не принимаем от них слишком много. Только то, без чего не обойтись. Пусть лучше спектакль будет скромнее, чем мы окажемся должниками и нам придется расплачиваться своей независимостью... И потом в работе, как и в быту, мы обходимся минимумом затрат, полагаясь на фантазию и ловкость. Мы всегда сами делаем своих кукол, шьем им костюмы, рисуем декорации. Сами пишем сценарий будущего спектакля, подбираем и затем исполняем музыку...

За этими занятиями проходят вечера в их импровизированном жилище. До тех пор, пока однажды...

— Вдруг нам становится ясно, что спектакль почти готов... Мы вложили в него много душевных сил. Но ни секунды у нас не было ощущения, что мы "вкатываем". Поэтому впоследствии никогда нет потребности "окупить затраченный труд".

Больше всего Тина и Мишель любят ставить народные сказки, которые, по их словам, не берутся объяснять загадочное, а, наоборот, заставляют поверить в таинство жизни и в неотвратимость судьбы. А всем остальным сказкам предпочитают "Василису Прекрасную",

которую оригинально инсценировали несколько лет назад. Тина, выступая в роли сказки, сидела посреди сцены в просторной накидке. Когда она поднимала руки, складки ее волшебной мантии превращались в элементы декорации: то в дорожку, то в избушку Яги, то во дворец. В этих декорациях возникали персонажи, которыми манипулировал спрятанный за мантией Мишель: девять намеренно примитивных тряпичных кукол с очень условными чертами лица. Зрители сами, давая волю воображению, дописывали образы и пейзаж. То есть участвовали в сочинении сказки, а не потребляли готовое.

— А придумали такое постановочное решение наши дети. Они вообще часто нам подсказывали интересные идеи. И бывали нашими самыми строгими зрителями.

Меня интриговало, как Тина и Мишель воспитывали своих детей в таких, скажем, нестандартных условиях. В свое время их отношения с собственными родителями складывались драматично. Особенно у Тины. Она росла в традиционной протестантской семье. Отец приложил немало усилий, чтобы дочь окончила экономический колледж и была принята на работу в банк. И вдруг та объявила, что все бросает и уходит на край света с каким-то непутевым парнем. Последовал разрыв семейных уз, которые потом болезненно и долго восстанавливались.

— Помня опыт отрочества, мы старались ничего не навязывать сыну и дочери. Ни нашего "закоренелого" вегетарианства, ни нашей маргинальности. Не пытались сделать из них "тарзанчиков". Они посещали хорошие женевские школы, имели там друзей из разных социальных групп, выбирали себе занятия по душе — математику, музыку, психологию. В детстве им нравилось все в нашем образе жизни. Повзрослев, они стали критичнее. Сын теперь живет отдельно и предпочитает больше комфорта и "цивильности". Дочь пока с нами, но и она вряд ли пойдет по нашим стопам. Да и не надо. Каждый человек сам ищет истину, то приближаясь к ней, то удаляясь. Впрочем, это уже философствование...

Кого сегодня удивит философствованием? Ему не предается только ленивый. Но часто ли встретишь людей, нашедших гармонию между осмыслением жизни и самой жизнью? Я встретила. И удивилась. И испытала уважение к этой достойной, не ведающей суесть и никому себя не навязывающей паре вольных художников. Однако вот о чем я не переставала думать, общаясь с ними: смогли бы они создать подобный оазис свободы в другой стране?.. Не решилась задать им этот деликатный вопрос. Но они сами прочли его в моих глазах и перед отъездом, уже в аэропорту, признались:

— Конечно, нам повезло. Швейцария достигла той степени благополучия, когда может позволить себе роскошь терпеть и даже поддерживать чудачков вроде нас. Мы не настолько наивны, чтобы этого не понимать. Но мы понимаем и другое: испытать полноту жизни можно независимо от материальных условий существования. Если научиться странствовать в душе. И если по ночам смотреть на звезды...

И они двинулись навстречу таможенникам, которые принялись подозрительно досматривать их странную поклажу.

— Цыгане какие-то, а не швейцарцы, — донеслось до меня.